

НАТА ВЕРЕСКОВА

Ничего случайного

РОМАН

Двадцать пять лет разлуки.
Одна незаконченная история.

18+

18+

Ната Верескова

Ничего случайного

«Автор»

2026

Верескова Н.

Ничего случайного / Н. Верескова — «Автор», 2026

Они потеряли друг друга на двадцать пять лет. Но что, если их разлука началась с чужой лжи? Когда-то Анна ждала писем Андрея и была уверена: главное в её жизни уже случилось. Потом ей пришлось учиться жить без него. Выходить замуж, растить детей, строить своё дело. И снова начинать сначала. Она умеет выдерживать чужие угрозы, искать деньги, когда помощи ждать неоткуда, и улыбаться детям после самой страшной ночи. Только поверить, что её саму можно любить и беречь, оказывается гораздо труднее. Когда Андрей возвращается, вместе с ним возвращается прошлое, которое каждый из них помнит по-своему. Чтобы дать себе ещё один шанс, им придётся услышать то, о чём слишком долго молчали. «Ничего случайного» — история о первой любви, чужом выборе, изменившем две судьбы, и праве на счастье после всего, что пришлось пережить.

© Верескова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. За тобой никто не стоит	5
Глава 2. Лягушонок	7
Глава 3. Кого надо спасать	8
Глава 4. Папина квартира	10
Глава 5. Срочная командировка	11
Глава 6. Трубы	13
Глава 7. Письмо на крыше	16
Глава 8. Два года в конвертах	20
Глава 9. Кто берёт трубку	23
Глава 10. Кто кого	25
Глава 11. Кольцо на мизинце	27
Глава 12. Вернуться к детям	29
Глава 13. Слово, которого я не знала	32
Глава 14. Детство закончилось раньше	34
Глава 15. Тот, кто был рядом	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ната Верескова

Ничего случайного

Глава 1. За тобой никто не стоит

Теперь

— За тобой никто не стоит.

Я посмотрела на человека напротив. Он произнёс это спокойно, почти сочувственно, словно объяснял простую ошибку в счёте.

— Я сама за собой стою.

Он усмехнулся.

— Вот именно. Девочка решила, что она большая.

За моей спиной были четверо детей. Сотрудники. Клиенты, которые отдали мне деньги на будущие кухни, спальни, детские. Он говорил совсем о другом, и я понимала о чём. О человеке, которому достаточно позвонить, чтобы такие разговоры закончились.

Такого номера у меня не было.

Ещё недавно на столе в моём офисе лежали каталоги, образцы тканей и папки с новыми заказами. Студия комплектации интерьеров росла. Я училась, считала сметы, искала мебель и свет, организовывала доставку. Мне нравилось приезжать в пустые помещения и знать, какими они станут. Всё, чего я добилась, можно было потрогать руками.

Вечером я возвращалась в квартиру, которую когда-то заработал папа. В прихожей лежали детские вещи. Телефон продолжал звонить. Муж, Олег, спрашивал о чём-нибудь бытовом, я отвечала и тут же забывала, что именно сказала.

Мы жили под одной крышей и всё реже смотрели друг на друга.

Рядом с другими мужчинами мне иногда удавалось ненадолго забыть об этом. Они приглашали в рестораны, дарили цветы, спрашивали, что я люблю. Я принимала внимание, иногда подарки. Удивлялась тому, что горячую еду можно есть медленно, пока кто-то слушает именно тебя.

— Вам идёт, когда вы улыбаетесь.

— Я и без улыбки ничего.

Я смеялась. Через два часа садилась в машину и ехала домой — к детям, Олегу, незавершённым разговорам. Утром снова открывала офис.

Первым был странный счёт. Затем платёж, ушедший не тому поставщику. Я подняла документы, начала звонить. Мне отвечали уверенно, без малейшего беспокойства:

— Разберёмся. Обычная рабочая ситуация.

Я тоже считала, что разберусь. Привычка разбираться до сих пор меня выручала.

На бумаге всё выглядело как закупка мебели и материалов. Только мебель не приезжала, материалы не появлялись, а деньги уходили дальше. За названиями компаний не находилось ни поставок, ни выполненной работы.

Я смотрела на выписки.

— Проверьте ещё раз.

Проверяли. Суммы оставались прежними.

Это были авансы клиентов. Люди выбирали шторы, спорили о цвете дивана, готовились к переезду. Теперь они звонили мне.

— Когда привезут заказ?

— Вы обещали на этой неделе.

— Верните деньги.

Я открывала их папки. Помнила, кто хотел белую кухню, у кого должна была появиться детская. Объяснение про подставных поставщиков не возвращало ни денег, ни доверия. Договоры они заключали с моей студией.

Потом появились люди, которым требовалось больше, чем возврат аванса. Позже я стала называть их рейдерами. Тогда ещё пыталась разговаривать с ними как с деловыми партнёрами: выяснить сумму, найти ошибку, получить документ.

— Отдашь по-хорошему — всё закончится.

— Что я должна отдать? Вы уже забрали деньги.

— Найдёшь ещё.

Мне казалось, на их стороне были связи и люди, которые должны были защищать закон. Любое обращение за помощью могло вернуться к ним раньше, чем я успею доехать домой.

Дома я переворачивала телефон экраном вниз. Спрашивала детей, как прошёл день, проверяла уроки. Слушала маму. Когда звонки становились слишком настойчивыми, выходила в другую комнату.

— Да, занимаюсь. Мне нужно ещё немного времени.

За дверью кто-то из детей звал меня. Я заканчивала разговор, возвращалась к столу и улыбалась.

Пока они видели моё обычное лицо, мне казалось, я ещё держу дом.

О том, что происходит со мной, я никому не сказала.

Глава 2. Лягушонок

Раньше

В детском саду у меня была собственная кукла. У неё проваливался глаз.

У других детей игрушки были общие. Они сидели вместе, менялись, ссорились. Я сидела за отдельным столом на отдельном стуле и ела из своей тарелки. Одна воспитательница решила, что так положено: у меня был тяжёлый нейродермит. Кожа трескалась, кровила и чесалась, а теперь из-за неё ещё и нельзя было играть со всеми.

Другая воспитательница обращалась со мной нормально. Значит, иногда черту между мной и остальными можно было переступить. Я ждала её смены.

Родителям не рассказала. Мне не приходило в голову, что слова взрослого можно проверить у другого взрослого. Если велели сидеть отдельно, я садилась. Кукла смотрела на меня одним глазом.

Дома папа называл меня лягушонком.

Я забиралась к нему под одеяло, прижимала ледяные ступни к его ногам. Он вздрагивал, смеялся и заворачивал меня потеплее. Кожа оставалась той же, но рядом с папой она никого не пугала.

Маме было тридцать восемь, папе — тридцать девять, когда я родилась. Мама второго ребёнка не планировала. Папа ещё до моего появления сказал:

— Будет Анка.

Никто тогда не знал, мальчик будет или девочка. Он уже выбрал имя.

Мы жили в однокомнатной квартире. Брат был старше меня на четырнадцать лет, и ему пришлось потесниться: четырнадцать лет одного ребёнка в семье вдруг закончились. Я его обожала и не понимала, почему он иногда не рад брать меня с собой.

Вечером приходил папа. Я слышала его в прихожей и бежала навстречу. Про отдельный стол, зудящую кожу и куклу с пустой глазницей можно было забыть до утра.

— Иди сюда, лягушонок.

Я прятала у него холодные ладони.

Глава 3. Кого надо спасать

Раньше

Однажды брат уложил меня спать и ушёл. Мама велела ему остаться дома, поэтому, проснувшись, я сразу поняла: случилось что-то, что надо исправить.

Мне было года четыре. Я оделась, подперла дверь и отправилась искать его по району. Мама придёт, не найдёт сына, расстроится. До её возвращения нужно успеть привести его домой.

Меня нашла соседка.

Так закончилась моя первая попытка спасти взрослого человека от последствий его решения. Сам брат, кажется, ещё ни о какой опасности не подозревал.

Он нередко брал меня с собой — мама вручала младшую сестру, и спорить было бесполезно. Я всё замечала, а потом рассказывала дома: кто куда ходил, с кем разговаривал. Семейная разведка работала без оплаты и выходных.

В детском саду я однажды похвасталась, что брат приедет за мной на спортивном велосипеде. Когда он появился, его ждала целая группа зрителей. Посадить меня было некуда. Он кое-как пристроил меня на раму и помчался. Мне было неудобно и совершенно прекрасно: за мной приехал личный гонщик.

От брата у меня осталась маленькая отметина над глазом. У него были жёлтые чешские чертёжные карандаши, которые трогать запрещалось. Он вышел за водой; я намочила грифель одного карандаша и каким-то образом ткнула себя в верхнее веко. Брат вернулся и увидел кровь. Стал плескать водой, потом взялся за йод. Тут я закричала так, что к маминому приходу плакали уже оба. Брату достался ремень, мне — след на всю жизнь.

Папа не прятал от меня инструменты. Он работал слесарем и умел чинить почти всё. Давал отвёртку, показывал, как поменять лампочку или разобраться с розеткой. Если не получалось, позволял попробовать ещё раз.

Ради квартиры он ездил в долгие командировки. Однажды вернулся из тайги с огромной бородой и плюшевым медведем. Я узнала его по глазам.

— Этот будет тебя защищать, — сказал папа про медведя.

Игрушка осталась со мной на десятилетия.

Мама выражала любовь иначе. Красивая, образованная, она много читала и требовала, чтобы я всё умела. Сделаешь дела — пойдёшь гулять. Не получается — плохо стараешься. Ты самостоятельная, делай сама.

Я привыкала сначала заканчивать работу, а уже потом разбираться, устала ли. Папино «попробуй» и мамино «должна» звучали почти об одном и том же. Разницу я почувствовала гораздо позже.

У мамы тоже был отец, которого она очень любила. Дедушка позволял забраться к нему на колени и зацеловать. Дома хранили его орден Красной Звезды. Говорили, что награда связана с работой над проектом, имевшим отношение к «Катюше»; для меня, ребёнка, этого рассказа было достаточно. Дедушка рано умер. Мама тяжело переживала его смерть.

Бабуля была старшей из семерых детей и всю жизнь кого-нибудь растила. Она научила меня читать, вязать, шить, работать в огороде и различать травы. Знала семейные шёпоты и заговоры, рассказывала о голоде, войне, революции. Верила в Бога и следила, чтобы на столе всегда стояла еда.

Новая одежда могла подождать. Пустая тарелка — никогда. У бабули на кухне пахло тестом; пока она доставала пирожки, я успевала забыть всё, с чем к ней пришла.

В доме было много способов любить. Я училась им всем.

Глава 4. Папина квартира

Раньше

В семь лет я впервые увидела квартиру, где можно было закрыть дверь и не слышать сразу всех домашних. Три комнаты в новом спальном районе казались огромными. Папа её заработал.

Брату досталась своя комната, родителям — своя, я поселилась в гостиной. Отдельной детской у меня не было, зато весь зал считался моим.

Почти сразу брат ушёл служить на флот — на три года. Шла Афганская война, мама сильно тревожилась. Его комната оставалась на месте, а хозяин исчез. Я заходила туда и видела вещи, которые некому трогать.

Дома вокруг ещё строились. После дождя двор становился глинистым месивом. Мы с Катей со второго этажа проверяли его сапогами. Катя знала заклинание «Мышка, мышка, засоси», но, когда мышка исполнила просьбу, почему-то смогла вытащить ноги. Я осталась посреди двора и ревела. Мама пришла, извлекла меня из грязи и отругала. Спасение никогда не мешало воспитанию.

В первый класс меня не взяли: школа училась в три смены, мест не хватало. Велели приходить в восемь. Обратно в детский сад я шла оскорблённая и придумывала, как отомщу директору.

Лишний год заполнили книги. Из-за нейродермита мне почти ничего нельзя было есть: капуста появлялась на столе в таком количестве видов, что я знала её лучше многих родственников. Зато читать разрешалось всё. Я брала книги, до которых ещё не доросла, и уходила туда, где никакой диеты не существовало.

Папа устроился на железную дорогу. Стал больше зарабатывать, но часто уезжал: три месяца в поездке, месяц дома. На моём первом сентября его не было. Я слишком ждала школы, чтобы долго об этом грустить. Через много лет нашла его открытку к тому дню среди фотографий и расплакалась. Тогда впервые подумала, каково было ему самому пропустить этот день.

Молодая учительница вступилась за мою левую руку. Мама хотела переучить меня писать правой, а она сказала, что не надо. Я запомнила, как один взрослый может остановить другого.

Когда мама уехала в санаторий, папа заплетал мне косички. Они получались кривыми. Я считала себя красивой и никому не позволила бы их переделать.

Потом я стала октябрёнком, пионеркой. Брат вернулся. В стране всё труднее было с деньгами и продуктами: задерживали зарплаты, расплачивались мукой и сахаром, появились талоны. Нас спасала дача. До неё ехали поездом, потом шли много километров. Однажды папа нёс на спине газовый баллон, а я шагала рядом и болтала. Мне казалось естественным: он несёт то, что нужно дому.

Бабуля удлиняла колготки и пришивала новые манжеты к старым вещам. Папа учил меня собирать грибы, ориентироваться, строить. Я знала, что все они рядом, даже когда кто-нибудь надолго уезжал.

Они возвращались. Я привыкла ждать именно этого.

Глава 5. Срочная командировка

Теперь

Я узнала, что возле собственного дома тоже приходится оглядываться.

Некоторые клиенты, не веря обещаниям, нанимали братков — своих людей, которые должны были выбить деньги. Меня начали подстергать возле офиса и машины. Незнакомые мужчины говорили тихо, почти без эмоций, и от этого становилось страшнее.

— Не вернёшь деньги — плохо будет.

— Я верну. Мне нужно время.

— Время закончилось.

Потом они заговорили о детях. Я перестала слышать всё остальное.

— Не смейте трогать детей.

— Тогда решай вопрос.

Я ехала домой и осматривалась. Проверяла, не стоит ли кто у подъезда, не следует ли за мной машина. Перед тем как выпустить детей во двор, выглядывала в окно. Каждая задержка из школы превращалась в несколько минут чистого ужаса.

Однажды в подъезде меня ждали двое огромных мужчин.

Я успела понять, что это не соседи, и шагнула назад. Поздно.

— Деньги где?

— У меня их нет.

Первый удар пришёлся так быстро, что я даже не успела закрыться. Потом меня запинывали и снова требовали отдать то, чего у меня уже не было.

Я кричала:

— Помогите! Кто-нибудь!

Я видела лестницу, чужую обувь и дверь на улицу. За дверями квартир оставалось тихо. Я кричала и ждала, что хотя бы одна откроется.

Когда всё закончилось, домой я подняться не смогла. Дети не должны были увидеть меня такой. Мама не должна была ничего понять. Я отошла подальше от подъезда и набрала Олега.

— Мне надо срочно уехать в командировку.

Я старалась дышать ровно.

— Сейчас? — спросил он.

— Да. Вопрос по работе. Не знаю, на сколько.

— Ты домой не зайдёшь?

— Не успею.

Я сняла квартиру и несколько дней отсиживалась там, пока не сошли самые заметные следы. Заказывала еду так, чтобы курьер оставлял пакет у двери. На звонки семьи отвечала бодро:

— Всё нормально. Здесь просто сумасшедший график.

После разговора я клала телефон рядом. За стеной съёмной квартиры жили знакомые люди. До моего дома было несколько улиц, но подняться по своей лестнице я не могла. Дети думали, что мама в командировке.

Это было не один раз и не один день. Всё тянулось долго. Я договаривалась с одними, просила отсрочку у других, отдавала понемногу третьим. Иногда удавалось снизить давление. Иногда разговор заканчивался словами:

— Последний срок.

Однажды меня поджидали у машины. Не дали сесть за руль, затолкали в багажник и увезли за город.

В темноте я считала повороты, хотя понимала, что всё равно не угадаю дорогу. Старалась не заплакать. Не потому что была бесстрашной. Я боялась так сильно, что страх стал холодным и неподвижным.

Когда багажник открыли, снова спросили:

— Где деньги?

— Их нет. Вы забрали всё.

— Займи. Продай. Найди.

Я повторяла, что найду выход. Говорила всё, что могло вернуть меня домой. Потому что дома были дети, которые не знали, где их мать.

Я заложила машину в ломбард. Продать её не могла: родные сразу спросили бы, куда она делась. Кредиты мне уже не давали. Банковские двери закрылись одна за другой, а те, кто требовал деньги, не интересовались моей кредитной историей.

— Заберём детей. В детский дом отправим, — услышала я в очередной раз.

Ночью я подходила к детским кроватям. Стояла, пока не различала дыхание. Разбудить их хотелось до боли: услышать обычное сонное «мам», убедиться, что они здесь. Я поправляла одеяла и уходила.

Сотрудники начали увольняться. Я не могла их винить. Зарплаты задерживались, офис трещал по швам, вокруг компании ходили слухи. Один человек заходил ко мне с опущенными глазами, другой присылал заявление на почту, третий просто переставал приходить.

— Я больше не могу, Анна, — сказал один из сотрудников. — У меня семья.

— Я понимаю.

И я действительно понимала. У меня тоже была семья. Только уйти мне было некуда.

Денег не хватало ни на аренду офиса, ни на прежний штат. Я отдавала в дом самый минимум, чтобы никто ничего не заметил: продукты, обязательные платежи, нужное детям. На вопрос «как дела?» отвечала одинаково:

— Работаю.

Больше я ничего не объясняла.

Однажды вечером передо мной лежала открытая упаковка таблеток. Я попыталась покончить с собой. В той минуте не было прощальных слов — только усталость, за которой я уже не видела ни одного следующего дня.

Я выжила. Помню себя на полу, дрожащую, испуганную тем, что сделала. И внезапно очень отчётливое желание остаться.

Наутро я умылась и поехала решать вопросы. Ничего не закончилось. Ни долги, ни страх. Но теперь я знала, что оставаться с этим одной опасно.

Нужно было кому-то позвонить. Я перебирала имена и пока не могла выбрать ни одного.

Глава 6. Трубы

Раньше

Когда брат женился и съехал, я заняла его комнату. Мне было четырнадцать. Впервые можно было закрыть дверь, оставить дневник на столе и не объяснять, почему хочется побыть одной.

Мы покупали китайские куртки на барахолке, переодевались на картонках прямо на морозе и считали, что выглядим замечательно. У Кати появился Dendy; мы спасали принцессу и ссорились из-за проигранных жизней. Дома меня ждали уроки, дела и занятия: фортепиано, рисование, танцы, ушу, рукоделие. Мама не признавала свободного времени, которое ничем не занято.

В школе мы подружались с Инной. Отличница, прямая спина, аккуратные движения — будто барышню случайно отправили учиться в наш класс. За обедом она правильно держала вилку, а потом смеялась со мной над самой глупой шуткой. Рядом с ней я не следила за каждым словом.

Летом мы жили на даче. Вечерами нагретая пыль на дороге становилась золотой. Лида, Рита, Тамара и я встречались так, словно осенью разошлись всего на несколько минут. Рядом с Лидой всегда ходил Грей, немецкая овчарка. Однажды возле станции к нам пристали знакомиться двое мальчишек. Лида сказала:

— Грей, чё?

Это была секретная команда. Через минуту мальчишки уже сидели на берёзах и просили убрать собаку.

— Грей, фу, — великодушно произнесла Лида.

Так мы познакомились с Костей и Ильёй по прозвищу Весельчак. Костя был плотным, весёлым, из обеспеченной семьи; даже на берёзе держался с достоинством. Илья первым превратил случившееся в шутку, и вскоре смеялись все.

В конце улицы лежали огромные строительные трубы. Для взрослых — ржавое железо, для нас — отдельное государство. На них встречались, спорили, мирились, делились секретами. Железо ещё хранило дневное тепло, под ногами шуршала сухая трава, кто-нибудь приносил магнитофон, и казалось, что всё настоящее происходит именно здесь, а не за заборами, где взрослые копают грядки и обсуждают цены. Иногда я прибегала на Трубы прямо после огорода — волосы собраны кое-как, ладони пахнут землёй. Лида уже успевала сделать дела, накраситься украденной у сестры косметикой и выйти в свет человеком. Мы смеялись, но я всё равно украдкой приглаживала волосы: вдруг сегодня кто-нибудь посмотрит именно на меня.

Рядом была деревня. Оттуда приезжали парни на мотоциклах, и мы слышали их раньше, чем видели: рёв мотора прокатывался по улице, заставляя всех невольно оборачиваться. Среди них был Антон — старше меня примерно на три года, светловолосый, голубоглазый. Впервые он появился вместе с мамой, когда они привезли продавать молочные продукты. Мамы говорили про огород и хозяйство, а Антон смотрел на меня. Не разглядывал нахально, не отпускал шуточек — просто смотрел, и от этого взгляда я вдруг слишком ясно почувствовала собственные руки, волосы, колени под летним платьем. Я впервые увидела себя глазами молодого мужчины и поняла: я уже не только чья-то дочь и младшая сестра. Я девушка.

Потом Антон стал приезжать один. Привозил полевые цветы, ранетки, катал на мотоцикле. Когда я слышала мотор, сердце заранее ускорялось. Мне нравился не только он — мне нравилось ощущение, что кто-то выбрал дорогу к нашему дому именно ради меня. В пятна-

дцать лет этого достаточно, чтобы весь вечер смотреть на букет в банке и улыбаться, когда никто не видит.

А потом появился Андрей.

Он не был самым высоким, громким или заметным. Тёмно-русые волосы, чуть смущённая улыбка и совершенно невозможные голубые глаза. Мне показалось, что он похож на Дмитрия Харатьяна из «Гардемаринов». Я успела подумать об этом — и тут он посмотрел прямо на меня.

— Андрей.

— Анна.

Я почувствовала, как краснею, и разозлилась на себя. Потом заметила, что Андрей тоже смутился. Стало легче.

Мы начали ходить рядом. Сначала вместе со всеми, потом чуть позади компании, а однажды обнаружили, что остались вдвоём. Мы шли по лесу, разговаривали обо всём подряд и вдруг замолчали. Рядом с другим человеком такое молчание заставило бы меня лихорадочно придумывать тему. С Андреем оно оказалось тёплым. Я слышала его шаги, шорох веток, собственное дыхание. Иногда наши руки случайно соприкасались, и от короткого прикосновения по телу проходила такая ясная волна, будто внутри меня натягивалась и звенела тонкая струна.

Он играл на гитаре. Когда Андрей брал первые аккорды, я старалась смотреть куда-нибудь в сторону, чтобы никто не заметил моего лица. Мне казалось, что каждая песня — немного про нас, даже если он пел совсем о другом. Я запоминала, как его пальцы ложатся на струны, как он склоняет голову, как улыбается, заметив мой взгляд. Где-то на даче, возможно, до сих пор стоит берёза с нашими «А+А». Тогда эти две буквы казались сильнее времени. Я была уверена: если вырезать их достаточно глубоко, любовь тоже никуда не денется.

Антон продолжал приезжать. Мне было приятно его внимание, жалко обидеть и страшно объяснять, почему я всё время смотрю на другого. Андрей при появлении Антона отступал в сторону. Я ждала, что он сам поймёт: уйти мне хочется именно за ним.

Невысказанное выросло в нелепое мужское соревнование и закончилось дракой стенка на стенку. Меня там не было. Я не просила драться за меня и не чувствовала себя героиней красивой истории. Когда соседка влетела во двор с криком: «Из-за Анки пацаны дерутся!», я успела только повернуться к маме.

Удар пришёлся прямо в нос.

Сначала я почувствовала вспышку боли, потом тёплую кровь над губой. Мир на секунду стал белым. Я прижала ладони к лицу и смотрела на маму, не понимая, что произошло.

— За что?

— Ты допустила эту драку.

Инна стояла чуть в стороне. Она всё видела. Я закрыла лицо ладонями; почему-то смотреть на подругу было ещё тяжелее, чем на маму.

Она подошла ко мне осторожно, не разглядывая лицо и не задавая вопросов, на которые я всё равно не смогла бы ответить.

— Ань...

— Не надо, — выдохнула я и отвернулась.

Инна осталась рядом. Ничего не спрашивала.

На следующий день бабуля гладила меня по волосам и объясняла, что мама испугалась. Я лежала и слушала. Хотелось спросить, почему испугалась она, а больно мне, но я не спросила.

Меня увезли в город, чтобы на даче не обсуждали синяк. Телефона рядом не было. Я прислушивалась к шагам на лестнице и пыталась представить, что теперь думает Андрей. Кто-нибудь сказал ему, куда я делась?

Когда я вернулась, папа уже был дома. Андрей жил у бабушки — бабы Нины, вместе с большой семьёй. Антон стал появляться реже. А Андрей встретил меня так, будто ничего важ-

нее моего возвращения не произошло. Не потребовал объяснений, не устроил допрос. Просто посмотрел на синяк, сжал челюсть и очень осторожно коснулся моей щеки.

— Больно?

— Уже нет, — соврала я.

Он отдавал мне фуфайку, когда холодало, и шёл чуть ближе, чем раньше. В его семье я перестала бояться чужих взглядов. Зато дома всё чаще прислушивалась к голосам в прихожей.

Глава 7. Письмо на крыше

Раньше

Мама выбирала мне другое будущее. У мальчика из медицинской семьи в этом будущем было место. У мальчика из обеспеченной — тоже. Для Андрея его не нашлось.

Когда он приходил, выяснялось, что я сплю, занята или меня нет дома. Иногда я слышала его голос из комнаты и всё равно не выходила. Между мной и дверью стояла мама. Я сидела, сцепив пальцы, и ждала, когда она позовёт.

— Анны нет дома, — говорила мама.

Несколько секунд было тихо.

Потом Андрей отвечал что-то, чего я не разбирала. Шаги удалялись. Хлопала входная дверь.

И только после этого я могла дышать.

— Мам, зачем ты так?

— Потом спасибо скажешь.

— За что?

— Вырастешь — поймёшь.

Я уходила к себе. Он теперь идёт домой и думает, что я не захотела его видеть. Эта мысль мучила сильнее самого запрета.

Другим мальчикам мама предлагала чай. Я отвечала на их вопросы и ждала выходных: на даче мы с Андреем незаметно отставали от компании. Обсуждали музыку, знакомых, всякую ерунду. В лесу наши руки соприкасались. Я давно перестала считать это случайностью.

Однажды баба Нина отмечала день рождения. Андрей пришёл за мной.

— Пойдём, бабушка зовёт.

По дороге я делала вид, что всё нормально, а сама нервничала. Войти в дом, полный его родственников, означало перестать быть просто девочкой, с которой он гуляет. Сейчас на меня посмотрят его бабушка, мама, братья, тёти. Кто я им? Что он им сказал? Вдруг все знают про драку, про Антона, про мамин синяк на моём лице?

У двери я замедлила шаг.

Андрей оглянулся и протянул руку. Я вложила в неё свою. Он сжал пальцы — просто и уверенно, будто это было самым естественным жестом на свете.

В доме было тесно, шумно и тепло. На столе стояли тарелки, салаты, хлеб. Из кухни несли ещё что-то горячее. Все говорили одновременно. Я остановилась у порога, не зная, куда деть руки и на кого смотреть.

Андрей не дал мне остаться одной в этом смущении. Подвёл к столу и сказал с такой спокойной гордостью:

— Это моя Анна.

Я подняла на него глаза. Он уже пододвигал мне стул, словно приводил сюда каждый день.

Баба Нина — бабушка Андрея, хозяйка этого шумного дома — посмотрела на меня внимательно, но без строгости. У неё было открытое, всё замечающее лицо и быстрые руки человека, который даже во время разговора успевает подвинуть тарелку, поправить скатерть и проверить, всем ли хватило еды.

— Так вот ты какая, — сказала она. — Проходи, чего на пороге стоишь?

— Я не стою, — пробормотала я и тут же поняла, что именно стою.

Андрей улыбнулся:

— Я же говорил, у нас все сразу начинают разговаривать.

— Ты ничего не говорил.

— Значит, собирался.

— Очень полезное уточнение.

Он чуть сильнее сжал мою руку. Баба Нина уже ставила передо мной тарелку, кто-то подвинулся, освобождая место. Несколько обычных реплик сделали то, чего не могли сделать мои долгие внутренние уговоры: я перестала чувствовать себя гостьей.

Я ела, отвечала на вопросы и всё время замечала его ладонь рядом со своей. Здесь никто не собирался говорить, что Анны нет.

Летом мы ездили на озеро в соседнюю деревню. Вода блестела так ярко, что приходилось щуриться. Ребята шумели у берега, кто-то плескался, кто-то спорил. Андрей отвёл меня в сторону и вдруг стал серьёзным.

— Дай руку.

Я протянула ладонь.

Он надел мне на палец кольцо из проволоки. Неровное, чуть смешное, без камня и коробочки. Проволока царапнула кожу. Андрей смотрел на кольцо так, будто заранее извинялся за его несовершенство.

— Сам сделал?

— Сам. Кривовато получилось.

— Нормально получилось.

Сказать «нормально» было единственным способом не расплакаться от счастья. Я поворачивала руку к солнцу и видела не проволоку. Я видела обещание. Он где-то сидел, нашёл кусок металла, сгибал его пальцами и в это время думал обо мне. Мне было пятнадцать, и ничего дороже придумать было невозможно.

Я не сказала, что никогда его не сниму. Мы и без этого были уверены, что поженимся.

В конце августа у Мерины устроили прощальный вечер. С наступлением темноты похолодало. Завтра мы разъедемся, и до следующих выходных мне останется выглядывать в окно.

Мы забрались на крышу. Снизу доносились голоса, кто-то смеялся, кто-то перебирал струны гитары. Над нами было огромное небо. Звёзды казались близкими, а город — очень далёким. Завтра дача закончится. Между нами снова появятся тридцать километров, школа, мамыны запреты и закрытая дверь.

Андрей сидел рядом и долго молчал. Обычно его молчание меня успокаивало. В тот вечер оно тревожило. Я чувствовала: он что-то приготовил, но не решается.

Наконец он достал сложенный листок.

— Это тебе.

Я взяла письмо. Обычная бумага, несколько сгибов. Но держала его так осторожно, словно оно могло рассыпаться.

— Что там?

— Прочитаешь дома.

— Почему дома?

— Просто прочитай потом.

Конечно, ждать до дома я не стала. Мне и так всё время приходилось ждать: пока мама разрешит, пока закончится неделя, пока Андрей приедет. Я не собиралась откладывать ещё и его слова.

— Я сейчас прочитаю.

Он отвернулся к тёмному небу, будто так мог спрятаться от моей реакции.

Бумага дрожала в руках. Я возвращалась к началу строки: читала слова и от волнения теряла смысл. В конце он написал:

«Я тебя очень люблю, моя Анечка».

Я задержала взгляд на этой строчке. Потом подняла глаза. Андрей смотрел так напряжённо, что я впервые заметила: он тоже боится.

— Ну? — спросил он наконец.

— Что «ну»?

— Ты прочитала?

— Нет, просто держу письмо перед глазами.

— Ань...

— Я прочитала.

— И?

Я специально выдержала паузу. Не из жестокости — просто впервые увидела, что Андрей, которого я считала спокойнее и смелее себя, тоже может бояться одного моего слова.

— Ты правда так думаешь? — спросила я.

— Я бы не написал, если бы не думал.

— А сказать не мог?

Он опустил глаза.

— Написать легче.

— И я тебя очень люблю, — сказала я.

Внизу смеялись ребята, под нами скрипнула крыша. Андрей наклонился; я всё ещё держала его письмо. Мы коснулись друг друга губами так осторожно, словно спрашивали разрешения. Я боялась пошевелиться и одновременно хотела, чтобы он не отстранялся.

Он чуть отстранился. Между нашими лицами снова появился воздух.

— Нормально? — спросил он шёпотом.

В этом вопросе было столько Андрея — его смущение, забота, страх сделать что-то не так, — что я засмеялась сквозь слёзы.

— Дурак.

И сама потянулась к нему снова.

После второго поцелуя Андрей всё равно смотрел настороженно.

— А почему ты плачешь?

— Я не плачу.

— У тебя слёзы.

— От ветра.

Он посмотрел на совершенно тихую ночь.

— Конечно. Сильный ветер.

Я тихо толкнула его плечом.

— Не смейся.

— Я не смеюсь.

— Смеёшься.

— Я просто счастливый.

От этих слов слёз стало ещё больше. Я спрятала лицо у него на плече, а он обнял меня — неловко, бережно, как будто счастье тоже можно было нечаянно уронить.

Домой я шла с письмом в кармане и кольцом на пальце. Ночью несколько раз включала свет. Расправляла листок, читала последнюю строчку, складывала по тем же сгибам. Под утро положила письмо под подушку и уснула.

Лето закончилось. Андрей жил примерно в тридцати километрах и приезжал по выходным. Неделя растягивалась, а несколько часов рядом пролетали мгновенно. Я заранее выбирала одежду, стояла у окна, прислушивалась к звонку, а потом старалась выглядеть так, будто вовсе его не ждала.

Письмо я прятала особенно тщательно. Если бы мама нашла, она обязательно напомнила бы, что надо учиться, а не думать о мальчиках, иначе «будешь яйцами торговать». Я слушала и молчала. Мама говорила о будущем, в котором спасала меня от неправильной жизни. Я думала о настоящем, в котором самым дорогим предметом был сложенный листок под подушкой.

Потом Андрей позвонил с автомата. Голос звучал непривычно глухо.

— Меня забирают в армию.

Я прижала трубку к уху сильнее, будто могла расслышать другой смысл.

— Когда?

— Через три дня провода.

— На два года? — спросила я, хотя знала ответ.

— На два.

— А если...

Я замолчала.

— Что «если»?

— Ничего.

— Ань, говори.

— А если ты меня забудешь?

В трубке стало тихо. Я уже пожалела, что спросила.

— Не забуду, — ответил Андрей. — Ты сама только не забудь.

— Я? Никогда.

После разговора я закрылась в комнате. За два года я закончу школу. Стану другой. Он встретит людей, которых я никогда не увижу. Впервые хотелось, чтобы время остановилось, хотя минуту назад я уже считала дни до его возвращения.

Его двоюродного брата Костю забирали тоже. У бабы Нины собралось много людей. Все говорили громче обычного, суеились, шутили, наливали мужчинам — будто шум мог заглушить страх. Я почти не отходила от Андрея и жадно запоминала его живого: линию плеч, руки, голос, привычку чуть склонять голову, когда слушает.

Мама Андрея взяла меня за руку.

— Ты его только жди.

— Конечно.

Мне стало обидно, что это вообще можно спросить. Он вернётся. Мы поженимся. Я не знала, о чём ещё здесь договариваться.

Когда пришло время прощаться, я обняла Андрея так крепко, как могла. Он был рядом — тёплый, настоящий, мой. Через несколько минут должен был уехать туда, куда я не могла последовать.

— Я буду писать, — сказал он.

— И я.

— Жди меня.

— Буду.

Автобус тронулся. Я шла рядом несколько шагов, пока могла, потом остановилась. Андрей смотрел из окна. Я подняла руку. Он тоже.

Когда автобус исчез, я осталась у дороги. В кармане лежало письмо с крыши. Я сжала его через ткань и пошла домой — ждать следующего.

Глава 8. Два года в конвертах

Раньше

После школы я бежала к почтовому ящику. Андрей обещал писать, но первые дни из ящика выпадали только квитанции и газеты.

Каждый школьный день начинал вращаться вокруг одного и того же маршрута: уроки, автобус, подъезд, несколько ступенек, ящик. Я заранее пыталась угадать по щели, есть ли там что-нибудь. Иногда виднелся край газеты, и сердце всё равно успевало ударить сильнее. Я открывала дверцу. Квитанция. Реклама. Ничего.

«Ещё не дошло», — говорила я себе.

На следующий день повторяла то же самое.

И однажды я увидела своё имя.

Конверт лежал среди обычных бумажек, но я узнала его раньше, чем прочитала обратный адрес. Почерк Андрея. Наклон букв. То, как он написал «Анне». Всё вокруг — лестничная площадка, запах подъезда, звук чужого телевизора за стеной — исчезло.

Я вынула письмо обеими руками.

Я донесла конверт до комнаты нераспечатанным. Закрывает дверь, села на кровать и провела пальцем по своему имени. Эти буквы написал он. Осторожно поддела край, чтобы не порвать лист, и принялась читать.

В письме он снова назвал меня своей Анечкой.

Я читала и будто разговаривала с ним.

«Как ты там?» — спрашивала глазами у строчек.

Ответ находился ниже: он держится, привыкает, скучает.

«А по мне?»

Я сама сердилась на этот детский вопрос и всё равно искала подтверждение в каждой фразе.

В конце тихо сказала вслух:

— Я тоже скучаю, Андрей. Очень.

Я перечитала письмо и заплакала от облегчения. Он держит в руках бумагу, пишет моё имя, скучает. Всё ещё существует то, о чём я успевала сомневаться за день у пустого ящика.

Ответ начала писать сразу.

Первый лист испортила. Начала слишком официально и разозлилась: разве так говорят с человеком, которого любят? Второй показался слишком жалобным. На третьем я пыталась быть весёлой. Мне хотелось рассказать Андрею всё сразу — кто что сказал, как прошёл день, как скучаю, как часто достаю его первое письмо с крыши.

На бумаге я получалась весёлой. Учусь, помогаю дома, жду. О том, что лежу по ночам и боюсь не узнать его после возвращения, написать не решилась. Ещё страшнее было признаться, что за два года могу измениться сама.

Письма стали приходить регулярно. Каждая неделя сжималась до звука ключа в почтовом ящике. Если там лежал конверт, весь день менялся. Если не было — я делала вид, что это ничего не значит, но становилась молчаливой и раздражительной.

Я носила письма с собой. Перечитывала в автобусе, перед сном, иногда на уроках, спрятав под тетрадь. Андрей будто помещался в конверт и возвращался небольшими бумажными частями. Я знала, где на листе его почерк становился торопливее, где слово было исправлено, где ручка сильнее вдавила бумагу.

Мама не должна была найти письма. Это добавляло любви ещё одну жизнь — тайную. Я прятала конверты, прислушивалась к шагам, быстро убирала лист под учебник. Дом, который должен был быть самым безопасным местом, приучал меня скрывать самое дорогое.

К шестнадцати я заканчивала девятый класс. У Андрея умер дедушка, баба Нина осталась одна, и я стала ездить к ней почти каждую неделю. Мыла полы, носила воду, помогала по хозяйству, слушала её рассказы. Мне казалось естественным: если я люблю Андрея, значит, должна любить всё, что принадлежит его миру.

Иногда задерживалась у его комнаты. Стул, полка, оставленная одежда. В памяти он мог в любую секунду войти и спросить, что я здесь делаю.

Баба Нина иногда заставляла меня у дверей его комнаты.

— Опять грустишь?

— Я не грущу.

— Ну да. Просто стоишь и на пустой стул смотришь.

— Он не пустой.

Она понимала без объяснений.

— Вернётся твой Андрей. Куда он денется?

— Я знаю.

— Знает она, — ворчала баба Нина. — Иди лучше чай пить. На голодный желудок ждать ещё тяжелее.

У неё любовь всегда быстро превращалась в тарелку еды. Я шла за ней на кухню, и ждать действительно становилось немного легче.

Младшие братья Андрея словно взяли меня под охрану. Ходили рядом, следили, кто подходит, кому что нужно.

— Служба у Андрея, а караул оставил он, — смеялась я.

На самом деле меня трогало их отношение. Я всё ещё была частью его семьи. Значит, он по-прежнему считал меня своей.

В школе наш класс переформировали. Я подружилась со Стасом и Костей — другим Костей, одноклассником, а не двоюродным братом Андрея. Стас был высоким, крепким, с быстрым юмором. Костя — пониже, плотный и уверенный в себе. Они помогали мне с математикой и физикой, я писала им сочинения. Мне нравилось их внимание. Хотелось быть красивой, хотелось нравиться. Но домой я всё равно бежала за письмом.

Однажды Костя проводил меня домой и попытался поцеловать. Я резко отстранилась.

— Никогда больше так не делай. Я жду парня из армии.

Он рассердился:

— Ну и дура — два года сидеть и ждать.

Я ушла, кипя от обиды. Потом вспоминала его слова у почтового ящика. Каждый новый конверт казался ответом, который можно было предъявить: вот, я не дура. Он тоже ждёт.

Одновременно мама готовила моё поступление. Я хорошо знала французский, выигрывала олимпиады и мечтала об иностранных языках. На подготовительных курсах в сильной гимназии я увидела другой мир — дорогую одежду, обувь, уверенность людей, привыкших занимать место.

Преподаватель послушал мой французский и сказал:

— Ой, Анна, не знаю, что вы будете делать, но точно не поступите. Вы слишком низкого уровня.

Эта фраза включила во мне знакомый двигатель: докажу. Здесь старание снова могло что-то изменить. Я учила язык с яростью. Это было даже легче, чем любить на расстоянии. У французского существовали правила. У ожидания — нет.

В это же время у брата и его жены Елены родился сын с тяжёлыми нарушениями здоровья и развития. Брат работал на железной дороге вместе с папой и часто уезжал, поэтому

Елена подолгу оставалась с больным малышом одна. Я помогала ей с ребёнком и домашними делами, ездила к бабе Нине, работала на огороде, готовилась к поступлению. Свободного времени почти не было. Иногда вечером я падала на кровать, доставала письмо Андрея и читала несколько строк.

Отец стал лучше зарабатывать, и однажды родители купили мне на барахолке модный дорогой кожаный плащ. Мама возражала против траты, а папа обнял меня и сказал:

— Пусть у неё будет.

Мама запретила надевать плащ в школу. Я надела тайком. В тот же день его украли из раздевалки. Домой шла как на казнь. Было страшно не из-за вещи и даже не из-за маминого крика. Папа столько работал, хотел порадовать меня, а я не послушалась и потеряла.

Мне запомнилось, как папа стоял на рынке, обняв меня, пока мама возражала. Я шла домой без плаща и вспоминала его руку у себя на плече.

На выпускной я сшила длинное платье с разрезами. Катя сделала причёску. Перед выходом я смотрела в зеркало и впервые увидела молодую женщину. Не девочку с письмом под подушкой — женщину, у которой появляются собственные планы, тело, желания, будущее.

Мне отчаянно хотелось, чтобы Андрей увидел меня такой. Я представляла его лицо, первое молчание, удивлённое: «Ань...» Но в зале сидел папа. Он смотрел с такой гордостью, что я расправляла плечи сильнее.

Дома я аккуратно повесила платье и достала конверт. До возвращения оставалось всё меньше. Я столько раз представляла встречу, что знала её до мельчайших деталей. Он увидит, какой я стала. Я узнаю его сразу.

В этой встрече, которую я придумала, мы ни на секунду не замолкали от неловкости.

Глава 9. Кто берёт трубку

Теперь

Я открыла список контактов. С некоторыми из этих людей мы не виделись месяцами, но раньше, когда им требовалась помощь, они без колебаний звонили мне. Теперь я задерживала палец над каждым именем.

Нажимала вызов.

Гудки.

Ещё гудки.

Тишина.

Кто-то отвечал один раз и потом исчезал. Кто-то обещал перезвонить. Кто-то, услышав, что мне нужны деньги, торопливо вспоминал о встрече.

— Я только уточню и наберу тебя вечером.

Вечер проходил. Потом следующий день. Телефон молчал.

После нескольких таких разговоров я стала заранее произносить в голове объяснение — коротко, чтобы не успеть надоесть. На полуслове меня останавливали дела, встречи, плохая связь. Обещания перезвонить звучали одинаково.

И тогда я позвонила Анке.

Анка была моей одноклассницей. В школе у неё первой появился дорогой кожаный плащ. Потом папа купил похожий мне. В тот день мы с Анкой поссорились, а мой плащ исчез из раздевалки. Я не знала, кто его взял. Но между нами встали пропавшая вещь, подозрения, подростковая обида и недоговорённость, которую мы так и не сумели разобрать. Мы перестали общаться.

Прошли годы. И вот я набирала её номер.

— Ань, это я.

— Я поняла. Что случилось?

По голосу было слышно, что просто так я бы не позвонила.

— Мне нужны деньги в долг.

Я приготовилась объяснять: что произошло, когда верну, почему обращаюсь именно к ней после стольких лет. Но она спросила только:

— Сколько?

— Ты даже не спросишь, зачем?

— Если бы могла не просить, ты бы не попросила.

Она дала деньги. Я приготовила длинное объяснение, а оно не понадобилось. О плаще мы не заговорили. Я положила трубку и ещё некоторое время держала телефон в руке.

Во всём этом аду мне нужно было оставаться на виду.

Если исчезнуть, поползут слухи, клиенты решат, что я сбежала, враги поймут, что я сломалась. Я продолжала появляться там, где от меня ждали уверенного лица. Красилась тщательнее обычного, выбирала одежду, которая держала спину, и выходила к людям так, будто меня не били в подъезде и не возили за город в багажнике.

Ещё мне отчаянно хотелось хоть ненадолго отвлечься. Оказаться в месте, где никто не спрашивает о долгах, переводах и сроках.

Я не нашла ничего лучше, чем пойти на конкурс красоты.

Мне хотелось попасть туда, где катастрофой считается сломанный каблук.

На первой встрече я огляделась и подумала, что все участницы приехали из страны розовых пони.

Обсуждали платья, причёски, свет. Шелестела ткань, пахло лаком для волос. Я слушала и старалась понять, как хотя бы на час думать только об этом.

Я слушала разговор о туфлях и думала, хватит ли мне денег закрыть очередное требование. Мне поправляли плечи, а я вспоминала чужой голос: «За тобой никто не стоит». Нас учили идти по сцене и смотреть прямо перед собой, а я давно привыкла смотреть по сторонам — не следит ли кто-нибудь за мной по дороге к машине.

— Расслабьте лицо, — говорили на репетиции. — Вы слишком напряжены.

Я пыталась улыбнуться.

— Вот так?

— Мягче. Вы же женщина, а не на переговоры пришли.

Если бы они знали, с каких переговоров я приехала.

Я ничего не знала о жизни остальных участниц. Возможно, каждая пришла сюда от чего-нибудь передохнуть. Но заметила моё отсутствие одна Диана — спокойная, внимательная, без необходимости заполнять собой весь разговор.

Однажды на репетиции она села рядом.

— Ты всё время как будто не здесь.

Я усмехнулась:

— А где?

— Не знаю. Но точно не с нами.

Обычно на такой вопрос я отвечала бы: «Всё нормально». Диане почему-то сказала правду — маленький её кусочек:

— У меня сейчас очень сложная жизнь.

Она не стала любопытствовать, задавать десятки вопросов или утешать дежурным «всё будет хорошо». Просто кивнула.

— Если захочешь говорить, я рядом.

На следующую репетицию я шла уже не совсем одна. Конкурс не выиграла, зато несколько раз смогла выйти под свет и пройти до конца, не оглядываясь.

После последнего выхода сняла туфли. В сумке звонил телефон.

Клиенту нужен был ответ. Я взяла трубку.

Глава 10. Кто кого

Раньше

Я подала документы на факультет иностранных языков. Для бюджета нужно было набрать тридцать баллов — по десять на трёх экзаменах. На французском в комиссии сидел тот самый преподаватель с подготовительных курсов, который уверенно предсказал, что мне не поступить.

Я увидела его и внутренне почти улыбнулась.

Отвечала быстро, свободно, без прежнего страха выглядеть беднее, хуже, не на своём месте. Он задавал всё более сложные вопросы. Я отвечала. Мне поставили десять.

После экзамена преподаватель догнал меня:

— Анна, я удивлён. Реально удивлён. Вы большая молодец. Но как? Как можно было достигнуть такого уровня?

Я вежливо улыбалась, а внутри звучало совершенно детское: ну что, кто кого?

Литературу сдала на десять. Русский — на девять. Итого двадцать девять. Одного балла не хватило до бюджета.

Всего одного.

Мне предложили платное обучение. Сегодня это выглядело бы обычным вариантом, но тогда в моей системе координат платно учились либо очень богатые, либо те, кто не смог поступить сам. К тому же факультет стоил дорого, семья едва ли могла это позволить.

Дома я плакала над двадцатью девятью баллами, будто получила три двойки. В голове помещался только один недостающий балл.

Нашёлся педагогический колледж с французским уклоном: учитель начальных классов с правом преподавать французский. После него можно было продолжить обучение в вузе с третьего курса. Я подала документы туда.

Колледж оказался в пятнадцати минутах от дома бабы Нины. Учиться было легко и интересно. В группе почти тридцать девушек и два парня, многие приехали из районов и деревень, некоторые, как я, не поступили в вуз с первого раза. Я быстро стала своей, потом старостой, получала повышенную стипендию.

Папа гордился так, будто я возглавила небольшое государство.

— Анка у меня староста, — рассказывал он всем.

Когда он так говорил, я переставала вспоминать экзамены.

И однажды утром, когда я собиралась на занятия, зазвонил телефон.

Я подняла трубку.

— Я вернулся.

Я вцепилась в трубку.

— Андрей?

— А ты кого ждала?

— Тебя. Два года тебя.

Он засмеялся — тихо, будто и сам ещё не верил, что может просто позвонить мне.

— Ты приедешь?

Внутри всё кричало: сейчас. Но вслух я произнесла:

— У меня занятия.

— Понятно.

В его голосе мелькнуло разочарование, и я быстро добавила:

— Я сразу после них. Андрей, я приеду. Обязательно.

— Я буду ждать.

— Теперь твоя очередь, — сказала я.

Я положила трубку и тут же захотела набрать номер обратно: нет, не после занятий, я сейчас. Вместо этого надела пальто и взяла сумку. По дороге в колледж злилась на себя.

Весь день я почти не слышала преподавателей. Записывала что-то в тетрадь и думала: он дома. Он дышит тем же воздухом. Сегодня я его увижу. Живого, не в письме, не в памяти.

После занятий я не шла — летела к бабе Нине.

За знакомой калиткой всё выглядело как прежде. И от этого становилось ещё страшнее: а если изменился только Андрей? А если за два года мы написали друг другу людей, которыми на самом деле не стали?

Я вошла.

Он был там.

Первые секунды мы просто смотрели. Я узнавала лицо и одновременно замечала новое: взрослость, которой раньше не было, другую осанку, более тяжёлый взгляд. Это был мой Андрей — и человек, которого я ещё не знала.

Потом мы обнялись.

Я уткнулась в его плечо. Он был тёплый, в незнакомой одежде, и держал меня крепче, чем прежде. Я всё никак не могла отстраниться, чтобы разглядеть его.

Родственники ходили мимо. Кто-то смеялся, кто-то что-то говорил. Мы всё не отпускали друг друга.

— Почему ты меня всё время обнимаешь? — спросила я, хотя совсем не хотела, чтобы он переставал.

— А я два года не мог.

Я отстранилась ровно настолько, чтобы увидеть его лицо.

— Дай я на тебя посмотрю.

— Смотри.

— Ты другой.

Он сразу насторожился:

— Плохой?

— Взрослый.

— А ты красивая.

— Раньше, значит, была некрасивая?

— Ань, я не это сказал.

— Я знаю.

Мы засмеялись — от смущения, счастья и невозможности за несколько минут рассказать друг другу два года. Потом он снова притянул меня к себе.

— Я письма твои хранил, — сказал Андрей.

— Все?

— Все.

Я представила свои конверты у него в руках. До этого мне казалось, что ждала только я.

Вместе с Андреем вернулся его двоюродный брат Костя. Его Алёнка не дождалась. Он мог выпить и с кривой усмешкой смотреть на нас — двое вернувшихся солдат, но одного ждали, другого нет. В его взгляде смешивались боль, зависть и обида на весь мир.

Я позвонила маме и сказала, что Андрей вернулся и я останусь с его семьёй. Приготовилась спорить. Мама неожиданно разрешила.

Мама разрешила остаться, и я больше ни о чём не спросила. Боялась, что передумает. Вернулась к Андрею, села рядом и взяла его за руку. Теперь можно было просто взять — без конверта и недель ожидания.

Глава 11. Кольцо на мизинце

Раньше

Андрей подарил мне серебряное кольцо. Я носила его почти не снимая, но дома старалась держать руку так, чтобы мама не заметила. Проволочное кольцо я тоже сохранила.

Я училась и постоянно ездила к бабе Нине. Ребята долго праздновали возвращение из армии. Сначала это выглядело естественно: два года позади, все хотят увидеть, расспросить, поднять стакан. Потом праздники начали сливаться один с другим. Алкоголя становилось больше, разговоров между нами — меньше.

Мне это не нравилось, но я не знала, как заговорить. Фраза «не пей» казалась материнской и унижительной. Фраза «мне страшно, когда ты такой» — слишком открытой. Попросить его выбрать меня вместо компании означало допустить, что он может не выбрать.

Я продолжала приезжать. Он видел, что я рядом, и, наверное, считал, что всё хорошо.

Однажды я приехала к бабе Нине и увидела Андрея спящим пьяным.

Он лежал передо мной — тот самый человек, которого я два года собирала по строчкам. Я представляла возвращение сотни раз. В моём воображении он всегда шёл ко мне, обнимал, говорил, как скучал. Ни в одном варианте он не спал, не замечая, что я приехала.

В дверях стоял его двоюродный брат Костя. На лице появилась кривая усмешка. Может быть, сегодня я несправедливо приписываю ей смысл. Может быть, он вообще думал о другом. Но тогда я прочитала совершенно ясно: «Ну что, дождалась?»

И сразу услышала фразу школьного Кости: «Ну и дура — два года сидеть и ждать».

Я вдруг почувствовала стыд. Стояла у кровати человека, которого ждала два года, и не знала, куда деть руки. Костя не уходил из дверей.

Я подошла ближе. Ждала, что Андрей откроет глаза. Хотела, чтобы он увидел меня и одним взглядом уничтожил всё, что я успела подумать. Сказал: «Ань, прости». Или хотя бы спросил, почему я молчу.

Он спал.

Я сняла кольцо и надела Андрею на мизинец. Он не проснулся. Я несколько секунд держала его руку — ещё можно было сжать пальцы, назвать по имени. Потом положила её обратно.

Я ушла.

По дороге я несколько раз замедляла шаг. Можно вернуться. Разбудить. Спросить. Но тогда пришлось бы снова пройти мимо Кости и объяснять, почему пришла назад. Я пошла быстрее.

Андрей позвонил один раз.

Я услышала голос, и всё тело отозвалось раньше гордости. Хотелось сказать: приезжай. Хотелось снова стать той Анечкой из письма. Но перед глазами возникли его закрытые глаза, усмешка Кости, кольцо на чужом мизинце.

Я отказалась разговаривать.

— Ань, подожди, — сказал Андрей. — Давай нормально поговорим.

— О чём?

— О кольце. О том, что ты ушла.

— А что тут обсуждать?

— Хотя бы разбудила меня.

— Чтобы что? Посмотреть, как ты снова уснёшь?

— Я просто выпил. Мы все тогда...

— Я два года тебя ждала, Андрей.

— Я знаю.

— Нет. Если бы знал, не лежал бы там, будто меня вообще нет.

— Ты сама оставила кольцо и ушла.

Я услышала в его голосе упрёк. Получалось, теперь виновата я.

— Не звони мне больше, — сказала я.

— Анна...

Я положила трубку.

Почти сразу захотелось снять её снова, набрать номер, сказать: «Приезжай». Вместо этого я сидела рядом и ждала, что он позвонит ещё раз. Он не позвонил.

Одного звонка мне было мало. Я хотела, чтобы он приехал, настоял, заставил выслушать. Самой позвонить означало, как мне тогда казалось, согласиться со всем.

На следующий день я ждала шагов на лестнице. Каждый раз, когда хлопала дверь лифта, сердце поднималось к горлу. На выходных вслушивалась в звонок. Андрей не пришёл.

Ночами я доставала письма. Бумажный Андрей любил меня. В каждой строчке существовал человек, который называл меня Анечкой и обещал вернуться. Живой Андрей молчал где-то в тридцати километрах.

Я читала письмо, потом прислушивалась. В подъезде снова остановился лифт. Шаги прошли мимо нашей двери.

Глава 12. Вернуться к детям

Теперь

О Романи мне рассказали раньше, чем я его увидела. Подвал, в котором он будто бы держит должников. Люди, которые исчезают после разговора с ним. Деньги, которые родственникам приходится находить любой ценой.

Меня уже били и увозили за город. Я не могла отмахнуться от этих рассказов, хотя не знала, что в них правда. Когда один из клиентов обратился к Роману за помощью, я решила, что теперь произошло худшее.

Я сидела в машине и смотрела через лобовое стекло, как он приближается.

Высокий, спортивный. Он обогнул машину и взялся за ручку двери. Я успела подумать только о том, что должна вернуться к детям.

Он открыл дверь и сел в машину.

Я ждала угрозы. Резкого движения. Первого вопроса о деньгах.

Но он просто посмотрел на меня и сказал:

— Давай разбираться. Что произошло?

Я растерялась. Подготовленные объяснения не подходили к его вопросу.

— Ничего особенного. Временные сложности. Я всё отдам.

— Мне не это сейчас интересно. Как ты попала в эту историю?

Он задавал вопросы по порядку: кто переводил деньги, кто подписывал документы, кому я должна, что уже отдала, почему молчала. Я отвечала коротко и осторожно. Где-то недоговаривала. Где-то уходила в сторону. Правды не сказала.

Я следила за его руками и пыталась понять, когда спокойный разговор закончится.

Мы поговорили недолго.

— Хорошо, — сказал он. — Я ещё приеду. Поговорим нормально.

Он вышел. Я сидела неподвижно, не решаясь завести машину. Роман ничего не сделал мне, но от этого его следующий приезд не стал менее страшным.

Он приезжал снова. Садился в машину или встречался со мной там, где можно было спокойно поговорить. Каждый раз пытался добраться до сути.

— Ты опять рассказываешь не всё.

— Я рассказываю достаточно.

— Достаточно для кого? Для тебя? Для меня? Или для тех, кто тебя в это втянул?

Я упрямо повторяла одно и то же:

— Я обязательно отдам деньги твоим людям. Мне нужно время.

Люди, попросившие его разобраться со мной, ждали возврата долга. Я понимала их: деньги были их. Но за спиной Ромки всё ещё стояли чужие рассказы о подвале, и во время каждого разговора я мысленно проверяла, смогу ли открыть дверь и выбежать.

Меня продолжали жёстко прессовать с разных сторон. Одни назначали сроки. Другие напоминали о детях. Те, кто подставил меня, словно специально подбрасывали новые страшные истории и убеждали: доверишься не тому человеку — исчезнешь.

Роман возвращался к документам и цифрам. Те, кто меня подставил, — к рассказам о нём. Он ни разу не повысил голос; они торопили, пугали и объясняли, кому я ни в коем случае не должна доверять. Я стала замечать эту разницу.

В один из дней я сама позвонила Роме.

— Приезжай. Мне надо тебе всё рассказать.

Он приехал. Я села к нему в машину и несколько секунд молчала, глядя перед собой.
— Только дослушай до конца, — попросила я.

Я рассказала о переводах, подставных компаниях, клиентах. О подъезде и багажнике. О заложенной машине. О том, что обещали сделать с детьми. Роман останавливал только затем, чтобы уточнить дату или сумму. Некоторые вещи я впервые называла вслух и сама слышала, как они звучат.

Когда я закончила, в машине повисла тишина.

Он посмотрел на меня так, будто не мог решить, злиться или удивляться.

— Дура ты, Анна.

Я даже не обиделась.

— Знаю.

— Не знаешь. Если бы знала, рассказала бы это сразу. Зачем ты всё это время молчала?

— Потому что мне рассказывали про подвал.

Он выдохнул и покачал головой.

— Какой ещё подвал?

Я смотрела на него. Всё это время мне рассказывали, чего от него ждать, и я послушно ждала. Даже когда он спрашивал, что случилось со мной.

Ромка уточнил общую сумму долга. Она прозвучала вслух огромной — такой, которую невозможно закрыть одним платежом, продажей вещи или очередным кредитом.

— Денег сейчас нет? — спросил он.

— Нет.

— Работать умеешь?

— Умею.

— Значит, будешь работать. Потихоньку считаешься.

Мы договорились, что я начну отрабатывать долг перед его людьми своими знаниями и своим трудом: искать поставщиков, рассчитывать закупки, организовывать комплектацию помещений. Не обещать невозможное. Не искать ещё один кредит. Делать то, что умею, и постепенно возвращать деньги.

Тем, кто меня подставил, этот договор не понравился.

Я начала собирать документы и задавать вопросы. Теперь они знали, что содержание наших разговоров может узнать кто-то ещё.

В очередной раз меня увезли. Разговаривали уже не о деньгах, а о том, что могут закрыть меня в СИЗО.

— Думаешь, тебя кто-то спасёт? У нас и там друзья. В погонах.

Я не знала, насколько реальны эти связи. Но знала другое: раньше угрозы, которые казались невозможными, уже становились реальностью.

Мне дали час, чтобы закрыть вопрос с ними.

За час я не могла найти такую сумму. Но успевала сделать один звонок.

Я позвонила Олегу.

— Олег, у меня серьёзные проблемы по бизнесу.

— Какие проблемы?

— Сейчас не могу объяснять. Пожалуйста, забери детей и увези их из города на выходные. Чтобы их здесь не было.

— Ань, что случилось?

— Потом. Просто сделай, как я прошу.

Шли майские праздники. Впереди было несколько выходных — немного времени, чтобы спрятать детей и попытаться решить то, что меня уничтожало.

Олег не стал спорить. Он увёз детей.

Когда я узнала, что они уже далеко, стало легче дышать. Объяснять Олегу предстояло потом. Сначала нужно было самой дожить до их возвращения.

Глава 13. Слово, которого я не знала

Раньше

Папа перестал уезжать в командировки. Сначала я обрадовалась.

Потом заметила крестик у него на груди, мамину тишину. Они всё чаще куда-то уходили вместе. Когда я входила в комнату, разговор заканчивался. Я искала причину в себе: может, опять узнали про Андрея?

Однажды я пришла домой — папы нет.

— А где папа?

Мама сначала отмахнулась. Потом посадила меня перед собой.

— Папа в больнице. Завтра поедешь, еды отвезёшь.

Я посмотрела в сторону спальни. Его вещи были дома. Папа тоже должен был быть здесь.

— Что с ним?

Точного ответа я не получила.

На следующий день ехала в троллейбусе и перебирала знакомые болезни. Сердце? Желудок? Давление? Любой вариант казался временным. В больнице лечат, значит, человек возвращается домой.

Территория оказалась огромной. Я плутала между корпусами, спрашивала дорогу, пока не нашла нужный. Подняла глаза на табличку:

«Онкологический корпус».

Слово было незнакомым. Оно ещё ничего мне не объясняло, но тело отреагировало раньше разума. Внутри стало холодно.

Папу вызвали. Он вышел, улыбнулся, как всегда, обнял меня и прижал особенно крепко. Я пыталась рассмотреть его лицо, найти признак, который всё объяснит. Он говорил спокойно. Я передала еду. Пообещала ещё приехать.

— Чего лицо такое серьёзное? — спросил папа.

— Нормальное лицо.

— Я тебя знаю. Нормальное у тебя по-другому выглядит.

— Пап, что говорят врачи?

Он на секунду отвёл взгляд.

— Врачи много чего говорят.

— А ты мне скажи.

— Ты лучше про учёбу расскажи. Староста ещё?

Я начала рассказывать про колледж. Он улыбался, слушал, задавал вопросы. Я отвечала и старалась запомнить новое слово с таблички.

Из больницы я пошла не домой, а в библиотеку.

Интернета под рукой не было. Если нужно узнать правду — идёшь к книгам. Я попросила всё про онкологию. Библиотекарь посмотрела на меня внимательно, но ничего не спросила.

Я читала медицинские статьи, справочники, тяжёлые термины. Сначала пыталась понять, что означает слово. Потом — стадии. Потом — метастазы, лечение, химиотерапию, прогнозы.

Сидела до закрытия. На следующий день пришла снова.

Я читала всё, до чего могла добраться. Если узнать достаточно, в одной из книг обязательно найдётся ответ, что делать. Домой пришла с другим вопросом.

— Я читала. Я знаю, что такое онкология.

Мама села. Я увидела, как опустились её руки.

— Меланома. Поздняя стадия, — сказала она.

Папе проводили химиотерапию. От маминых объяснений становилось ясно, как мало они ждут от лечения, но я не верила. Он всегда возвращался.

Его выписали домой. Он похудел, много лежал, ходил всё медленнее. Курил. Я делала то, что умела: пекла любимые торты и пироги, жарила картошку. Мы вспоминали дачу, смеялись. Пока папа мог смеяться, мне казалось, смерть не имеет права войти.

Андрея я продолжала ждать, хотя теперь не думала о примирении. Просто иногда очень хотелось, чтобы он пришёл и посидел со мной.

После третьей химиотерапии папа уже не встал — отказали ноги. Я прибежала из колледжа, кормила его, меняла памперсы, поправляла одеяло. Когда-то он согревал мои ледяные ноги, теперь я укрывала его.

Я уже подрабатывала промоутером: папа не работал, маме задерживали зарплату, денег не хватало. Несколько часов работы — и бегом домой. Усталость стала постоянной, но я почти не замечала её. Если остановиться, можно было услышать страх.

Я читала папе любимую книгу. Потом просто сидела рядом и рассказывала будущее.

— Ты встанешь. Я закончу учёбу. Выйду замуж. Нарожая тебе кучу внуков. Обязательно будет мальчик Матвей — как ты. Два Матвея будут ездить на рыбалку и за грибами.

Иногда он всё-таки открывал глаза.

— Устала? — спрашивал едва слышно.

— Нет.

— Врёшь.

— В тебя.

Уголки его губ чуть поднимались.

— Учись, Лягушонок.

— Ты сначала выздоравливай.

— Командир нашёлся.

— А кто-то же должен тобой командовать.

Я улыбалась, пока он смотрел. Потом выходила на кухню, упиралась ладонями в стол и несколько секунд училась дышать заново.

Он держал мою руку. Его ладонь оставалась тёплой, но силы почти не было.

— Пап, ты меня слышишь? Всё будет хорошо. Я буду счастливой, как ты хотел.

Он закрыл глаза, словно согласился. Из правого глаза медленно скатилась слеза.

Я продолжала говорить. Он тихо вздохнул, и его рука перестала держать мою.

— Пап?

Я наклонилась ближе.

Глава 14. Детство закончилось раньше

Раньше

Несколько секунд стояла рядом и смотрела на папу, будто тело могло снова вспомнить, как дышать. Потом потрогала пульс. Его не было.

Тысяча мыслей пронеслась одновременно, но тело действовало почти спокойно. Я закрыла папе глаза ладонью. Поправила одеяло. Вышла из комнаты и прикрыла дверь так осторожно, словно боялась его разбудить.

В моей комнате сидела мама.

Я дошла до косяка и начала сползать по нему.

— Мам, папа больше не дышит.

Она рванула в спальню. Через несколько секунд я услышала её плач. А внутри меня всё застыло. Не было слёз, не было мыслей — только знание, которое невозможно вместить.

Потом я вышла на балкон и закричала.

В соседних домах начали загораться окна. Я кричала, пока хватало воздуха. Потом хватала ртом новый и снова кричала.

Приехала женщина-врач. Оформила документы, зафиксировала смерть. Она говорила обычным профессиональным голосом, и это бесило. Как можно говорить спокойно, когда папа лежит в соседней комнате и больше никогда не откроет глаза?

Я ненавидела всех: врачей, больницу, меланому, людей за освещёнными окнами, Бога, которому бабуля учила молиться. Я просила оставить папу. Бог, как мне тогда казалось, не оставил.

Никакого высшего смысла я слышать не хотела. Мне было семнадцать. У меня забрали отца.

До моего восемнадцатилетия оставался месяц.

Дальше память сохранила отдельные кадры. Ночь. Открывающаяся дверь. Пальто в прихожей. Друзья родителей. Родственники. Чайник, который кто-то ставит, потому что даже после смерти человека людям нужно пить чай. Вопросы о документах, кладбище, одежде.

Я отвечала. Делала. Искала. Снова отвечала.

До утра слёз не было. Нужно было отвечать на вопросы, находить документы. Мама плакала, и я боялась, что, если заплачу тоже, здесь больше никому будет ничего делать.

Утром в дверь позвонила Инна. Я смотрела на подругу и никак не могла вспомнить, успела ли сама ей сообщить.

— Папа умер, — сказала я.

— Я знаю, — тихо ответила Инна. — Я к тебе.

Она сняла куртку, прошла в комнату и села рядом. Мы молчали. При ней я не пыталась найти себе дело.

Потом позвонили с работы. Голос в трубке говорил о зарплате: нужно было приехать и получить деньги. Я несколько секунд не понимала, о чём речь. Какая работа? Какая зарплата? Папа умер — неужели после этого остались смены, ведомости и деньги?

— Я не поеду, — сказала я, положив трубку.

— Поедем, — спокойно ответила Инна.

— Я не могу.

— Одна — не можешь. Я буду с тобой.

Мы вышли на улицу. Город жил так, будто ничего не случилось. Машины останавливались на светофорах. Люди спешили по своим делам. Две женщины рядом смеялись, и этот смех показался мне почти жестоким.

— Как они могут смеяться? — спросила я. — У меня папа умер.

— Они не знают, — ответила Инна.

Инна подстраивала шаг под мой. На работе мне показали, где расписаться. Зарплата оказалась больше обычного: платили в долларах, а курс изменился. Я держала деньги и не знала, зачем об этом сообщили. Инна подождала и повезла меня обратно.

Я положила маме всю зарплату.

— Пусть всё будет самое лучшее, — сказала я.

Я отдала всё до последней купюры на похороны.

На кладбище я всё ещё действовала как человек, который выполняет задачу. Стояла, слушала слова, видела знакомые лица. Всё происходило будто за стеклом.

Потом гроб начали опускать.

До этого момента какая-то часть меня всё ещё не верила. Папа лежит, люди собрались, звучат речи — но, может быть, всё ещё можно остановить. Земля стала окончательным ответом.

Я рванулась к могиле.

Мужчины схватили меня, удержали. Я упала на колени и била руками по земле. Мама пыталась поднять, а один мужчина сказал:

— Оставь. Она сутки держалась. Пусть плачет.

Я плакала по папиным рукам, кривым косичкам, нашим походам за грибами. По тому, как он говорил «Лягушонок». По мальчику Матвею, которого ещё не было и с которым он уже никогда не пойдёт на рыбалку.

Брата на похоронах не было — он находился в поездке. Когда-то я думала: если с папой что-нибудь случится, старший брат станет опорой. Но в тот день его рядом тоже не оказалось.

И Андрея не было.

Я искала его среди людей и злилась на себя: как можно сейчас думать об Андрее? Но всё равно поднимала глаза, когда кто-нибудь подходил.

Дачные ребята знали. Некоторые приехали. Значит, думала я, знал и он.

Объяснение нашлось простое: не захотел. Я держалась за него, потому что ждать становилось невыносимо.

Глава 15. Тот, кто был рядом

Раньше

После похорон мы с мамой вернулись домой и разошлись по комнатам.

В квартире наконец стало тихо. Я не могла пройти мимо спальни, не повернув головы к двери.

Позвонили.

Я долго не хотела вставать. Любой посетитель означал слова, которые придётся выслушать: «держитесь», «время лечит», «он больше не мучается». Ни

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.